

Балковая Валентина Григорьевна

д-р юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой

Неретина Дарья Андреевна

студентка

Дальневосточный юридический институт (филиал)

ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры

Российской Федерации»

г. Владивосток, Приморский край

СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Аннотация: статья посвящена процессу становления и развития института преступлений в период с X по XVII в. На основе анализа памятников права Средневековой Руси и актов законодательства Московского государства раскрывается эволюция взглядов на противоправные деяния, подлежащие наказанию, характеризуется система преступлений, существовавшая в различные периоды исторического развития древнерусского и Московского государства.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, крамола, преступления против личности, имущественные преступления, политические преступления, Московское государство.

На протяжении истории развития российской государственности взгляды на преступность деяния неоднократно пересматривались. Значительной актуальностью обладает изучение системы преступлений Средневековой Руси, так как в это время была заложена основа многих современных институтов уголовного права. Целью настоящей публикации являлось изучение основных этапов становления и развития института преступлений в контексте общей эволюции общества Средневековой Руси и Московского государства.

Как свидетельствует изучение Русской Правды, ранее всего начали формироваться институты преступлений против личности и имущества. Посяга-

тельства на жизнь и здоровье человека известны истории с древнейших времен, однако долгое время насильственные действия по отношению друг к другу в обществе расценивались как что-то само собой разумеющееся [3, с. 81]. Точно также посягательство на чужое имущество в условиях военной демократии также не признавалось чем-то плохим. Более того, нередко преступника ждала честь и слава в обществе, так как подобные деяния были хорошей возможностью быстрого обогащения [1, с. 7].

Лишь с утверждением государства деяния, наносящие ущерб жизни, здоровью и имуществу человека стали расцениваться как противоправные. По мнению А.С. Мазепа, это связано с распространением христианства с его этикой ненасилия [6, с. 220]. По нашему мнению, такая точка зрения представляется спорной, так как преодоление язычества в пределах всей Руси растянулось более, чем на двести лет с момента официальной даты крещения, а Русская Правда в течение этих двухсот лет уже наказывала за преступления против личности и имущества.

Древнейшими составами преступлениями против личности явились убийство, членовредительство и оскорбление. При практической квалификации обращалось внимание на наличие или отсутствие умысла, который мог быть прямым или косвенным (Русская Правда: Пространная редакция, ст. 6,7) [8, с. 10]. Так, Русская Правда знала убийство, совершенное «в ссоре или на пиру», и в разбое, причём второй вид признавался более тяжким, и, соответственно, ответственность за его совершение была строже. Предполагалось, что преступник мог убить «в ссоре или на пиру» совершенно случайно.

Дальнейшее развитие преступления против жизни получили в Московском государстве, где уже Судебник 1497 г. различал убийство простое и квалифицированное. Ко второй категории относили убийство крестьянином своего владельца (вводилось понятие «государский убийца»), убийство в церкви, на государственном дворе, в суде и так далее (Судебник 1497 г., ст. 9) [8, с. 37]. Это свидетельствовало о существовании в обществе социальной дифференциации не только на обыденном уровне, но и на юридическом, осуществлявшейся посред-

ством классификации преступлений в зависимости от принадлежности потерпевшего к определенной группе.

Важное место в институте преступлений против личности занимали преступления против здоровья, наиболее тяжким из которых являлось членовредительство. В Русской Правде выделяют следующие его виды: нанесение ран оружием; нанесение ударов, побоев различными предметами (палкой, рукой); лишение руки и иные [3, 80–82]. Псковская судная грамота не вводит особых новшеств относительно этой категории противоправных деяний, лишь более подробно регламентирует побои как состав преступления (Псковская судная грамота, ст. 20, 23, 26, 27) [8, с. 27–36].

Помимо вышеперечисленных видов преступлений, в состав преступлений против личности входили преступления против чести и достоинства. В то время к ним относили любые деяния, оскорбляющие каким-либо образом другое лицо – например, вырывание волос с головы или лица (бороды, усов), унижением словом, побои и иные действия.

Формирование данного института уже в Средневековой Руси свидетельствовало о том, что уголовное право взяло человека во всех его проявлениях под свою защиту. Теперь это не только телесные повреждения, имеющие материальное выражение, но и посягательства на духовные ценности человека – честь и достоинство личности, что с моральной точки зрения расценивались как плохие деяния, не соответствующие понятию «добро».

Также уже в Киевской Руси началось формирование института преступлений против имущества. К категории имущественных преступлений в это время относились такие деяния, как татьба, грабёж, разбой, поджог и иные [1, с. 6–9]. Примечательно, что времена действия Русской Правды объектом выступали не только какие-то вещи, но и холопы. В Русской Правде не содержится чёткого толкования понятия «татьба», однако многие учёные придерживаются мнения, что это любое тайное хищение чужого имущества.

Псковская судная грамота в сравнении с Русской Правдой освещает этот вопрос более подробно. Например, она знает кражу простую (совершение кра-

жи в первый и второй разы, кража домашнего скота и птицы) и квалифицированную (кража в третий и последующие разы, конокрадство). Одним из наиболее тяжких преступлений признавалось конокрадство, в связи с чем за данное деяние назначалась смертная казнь [5, с. 160].

Однако, несмотря на достаточно детальное регулирование татьбы, в Псковской судной грамоте еще не разграничивались разбой и грабеж [5, с. 162]. Лишь в Судебнике 1550 г. были предприняты попытки разграничить эти два состава преступления: если под «разбоем» понималось открытое нападение с целью хищения чужого имущества, иногда сопровождающееся убийством, то для «грабежа» было не свойственно применение насилия [1, с. 8].

В Московский период получили дальнейшее развитие «дела татебные», испытывавшие значительное влияние того подхода к преступлениям против имущества, которые закрепила Псковская судная грамота. По Судебнику 1497 г. кражи делились на два вида, к первому относили простые кражи, то есть совершенные лицом впервые, ко второму – кражи квалифицированные. Перечень квалифицированных краж был значительно расширен в Судебнике 1550 г. В частности, «церковная кража» означала теперь не только кражу церковного имущества, но и нарушение имущественных прав церкви [9, с. 24]; «головная» кража подразумевала кражу людей для продажи в холопство. Кроме того, по-прежнему выделялись повторная кража и кража, совершенная «ведомым лихим человеком» (Судебник 1497 года, ст. 9, 11, 13) [8, с. 35].

Новым видом имущественных преступлений, впервые встречающимся в Псковской судной грамоте, является наход, у историков права нет единого подхода к его квалификации (Псковская судная грамота, ст. 1) [8, с. 26]. По мнению С.В. Юшкова, наход – это грабеж, совершенный группой лиц [10, с. 364]. В то же время М.А. Исаев считает, что наход – это самостоятельное нападение третьих лиц на чужое недвижимое имущество, основанное на личных мотивах, часто сопровождающееся насилием [4, с. 112].

Большую опасность среди преступлений против имущества имели «зажигальники» (Псковская судная грамота, ст. 7) [8, с. 27]. Это было связано с тем,

что этот состав не просто вел к порче и уничтожению имущества конкретных лиц, а мог стать причиной выгорания целых городов [4, с. 163], так как огонь с одного строения мог легко перейти на соседние постройки. Именно поэтому «зажигальникам» назначалась квалифицированная смертная казнь – их сжигали живьем.

В Московском государстве получил дальнейшее развитие институт преступлений против имущества, в него были включены новые составы – преступления против земельной собственности, которые заключались в порче межевых знаков и запашке чужой земли. За уничтожение межевых знаков полагалось битье кнутом, за запашку же чужой земли предусматривалась выплата штрафа волостелю или сельскому старосте в размере двух алтынов (Судебник 1550 года, ст. 86–87) [7, с. 170].

Первоначально кража церковного имущества являлось видом имущественных преступлений, квалифицированным составом (Псковская судная грамота). Однако в Московском государстве с усилением влияния церкви, образовалась новая группа противоправных деяний – преступлений против церкви и религии, куда вошли и церковные кражи, превратившись из разряда частно-правовых деликтов в публично-правовые [9, с. 26].

Таким образом, преступления против личности и имущества начали формироваться еще в Киевской Руси и ко времени создания Московского государства насчитывали уже несколько веков своей истории. Однако в централизованном государстве уголовное право получило новый импульс развития – из отрасли частного права оно стало быстро превращаться в отрасль публичного права, эта трансформация получила яркое выражение в появлении нового уголовного института – института государственных (политических) преступлений.

Связано это было, прежде всего, с изменением смысла, вкладываемого в понятие «преступление». Если ранее его трактовали как «обиду», то есть причинение вреда частному лицу, то теперь оно именуется «лихим делом», предполагающим противоправные деяния антигосударственного характера. Государство стало активно применять уголовную репрессию не только и не столько

для защиты общества, а, прежде всего, для защиты самой государственной идеи.

В сфере политических преступлений быстро распространилась новая юридическая терминология – «градской здавец» (человек, виновный в сдаче города неприятелю), «подмет» (подлог документов), «подым». (деяния, провоцирующие народ на восстание против власти), «крамола» (обобщенное название ряда политических преступлений) [2, с. 16].

При царе Алексее Михайловиче был расширен и без того значительный круг антигосударственных деяний, признававшихся уголовно наказуемыми. Ответственности подлежали лица, совершившие: преступление против личности царя и членов его семьи, государственная измена (отъезд к другому государю, подготовка вооружённого восстания против власти, сдача города врагам и другие), заговор или мятеж против власти, ложный донос на представителей центральной и местной власти, «бесчестие государева двора», другими словами, ношение и применение на территории государева дворца холодного оружия, в том числе и при царе (Соборное уложение, гл. 3, ст. 3–5) [2, с. 16–18]. В Соборном уложении получило окончательную форму понятие «слово и дело государево», под ним понимались любые действия, направленные против государственного строя, личности царя и членов его семьи (Соборное уложение 1649 года, гл. 3, ст. 8) [8, с. 55]. Расследование преступлений по доносам о «слове и деле государевом» сыграло важную роль в размежевании общего судебного процесса на частно-правовой и публично-правовой, розыскной.

В середине XVII в. оформился еще один новый уголовно-правовой институт – институт преступлений против церкви и религии, важный для людей той эпохи. Во многом это связано с тем, что в 1547 г. в отношении Ивана Грозного впервые в российской истории было проведено церковное венчание на царствование (процедура миропомазания), осуществленная главой русской православной церкви – митрополитом Макарием. Вследствие этого стала внедряться идея «божественного» характера царской власти, считалось, что царь, являясь «миропомазанником», в своей политике реализует не собственную, а божествен-

ную волю [9, с. 24]. Это привело к началу процесса слияние церкви и государства в единый аппарат, на церковь в новых условиях возлагалась реализация идеологической функции, а также задача сакрализации верховной государственной власти. В свою очередь, государство взяло церковь под защиту, в связи с чем, враждебные деяния, направленные против церкви и религии, криминализировались.

К противоправным деяниям, посягающим на интересы церкви и религии, относили богохульство, соращение православного в иную веру, чародейство, возложение хулы на Бога, нарушение обрядов в церкви, церковную кражу и тому подобные деяния. Строгое наказание предусматривалось за нарушение церковной литургии во время службы. В случае вмешательства лица в ход святой литургии, предусматривалось применение смертной казни, а в ход простой литургии – торговой казни (Соборное уложение, гл. I, ст. 2, 3). Уголовной ответственности подлежали и те, кто во время молитвы жаловался духовному лицу о чем-либо (Уложение, гл. I, ст. 9). Произношение непристойных речей в стенах церкви также подразумевало применение к субъекту преступления серьезного наказания.

Примечательно, что большинство деяний религиозной направленности наказывалось посредством светских методов, что свидетельствует о сращивании церкви и государства в единый механизм [9, с. 29].

Из этого очерка можно сделать следующие выводы:

- уголовное право возникло вместе с Древнерусским государством, так как ни одно государство не может жить, не имея защиты;
- уголовная репрессия в разных исторических условиях может быть направлена как на людей, нарушающих права других лиц, так и на тех, кто злоумышляет против самого государства;
- возникновение новых институтов преступлений неразрывно связано с протекающими в обществе социальными процессами.

В Московском централизованном государстве с уголовным правом произошли значительные изменения, так как оно из отрасли частного права превратилось в отрасль публичного, какой и является до сих пор.

Список литературы

1. Безверхов А. Грабеж и разбой в древнем и средневековом праве / А. Безверхов // Уголовное право. – 2001. – №2. – С. 6–9.

2. Гаращенко, А.Н. Понятия государственного преступления и его видов в законодательных актах XV–XVII веков / А.Н. Гаращенко, М.С. Суханов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – №5(1). – С. 15–18.

3. Иванцова Н.В. Насильственные преступления против личности: краткий обзор развития отечественных уголовно-правовых норм в период с X по XVIII в. / Н.В. Иванцова // Вестник Российского университета кооперации. – 2012. – №3 (9). – С. 80–87.

4. Исаев М.А. История российского государства и права / М.А. Исаев. – М.: Статут, 2012. – 838 с.

5. Лоба В.Е. Имущественные преступления в Псковской судной грамоте / В.Е. Лоба // Право и образование. – 2012. – №8. – С. 159–165.

6. Мазепа А.С. Преступление и наказание по Русской Правде: аналитический обзор / А.С. Мазепа // Актуальные направления научных исследований: теория и практика. – 2018. – С. 219–224.

7. Маньковский И.Ю. Хрестоматия по истории отечественного государства и права / И.Ю. Маньковский. – М.: Изд-во Алтайского университета, 2014. – 246 с.

8. Титов, Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России / Ю.П. Титов. – М.: Проспект, 2010. – 472 с.

9. Федорова А.Н. Преступление против церкви как средства защиты самодержавной власти по российскому законодательству XVII–XVIII веках /

А.Н. Федорова // Вестник волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2020. – №4 (97). – С. 24–32.

10. Юшков С.В. История государства и права России (X–XIX вв.) / С.В. Юшков. – Ростов н/Д.: Феникс, 2003. – 735 с.